

Александр Громов

Текодонт

*Часть сборника
Ватерлиния (сборник)*

Александр Громов

Текодонт

«ЭКСМО»

1990

Громов А. Н.

Текодонт / А. Н. Громов — «Эксмо», 1990

«Особенно сильный удар тупым носком ботинка свалил его с четверенек на бок, и тотчас последовал еще один, заставивший захрипеть и скорчиться, – в солнечное сплетение. Били профессионально, но голову, живот и позвоночник не трогали, видно, был приказ не калечить, а ребра Пескавин прикрывал локтями. Сопротивляться было бессмысленно, он это понял сразу, еще до того, как отобрали стилет...»

© Громов А. Н., 1990

© Эксмо, 1990

Александр Громов

Текодонт

Особенно сильный удар тупым носком ботинка свалил его с четверенек на бок, и тотчас последовал еще один, заставивший захрипеть и скорчиться, – в солнечное сплетение. Били профессионально, но голову, живот и позвоночник не трогали, видно, был приказ не калечить, а ребра Пескавин прикрывал локтями. Сопротивляться было бессмысленно, он это понял сразу, еще до того, как отобрали стилет. Бежать тоже не следовало: тот третий, с кровавыми кроличьими глазами, что встал у выхода из коридора на стреме, не выпустит, а если все же случится чудо – еще того хуже: найдут, не могут не найти, еще два дня здесь торчать. «Расположенный в одном из красивейших уголков Тверди, – пульсировали в голове фразы из путеводителя, – и окруженный живописными вершинами, заповедник в последние годы заслуженно приобрел славу наиболее посещаемого объекта всего Восточного Рукава. Горные озера с чистой водой, альпийские луга и величественные горы, окружающие Ущелье, придают заповеднику неповторимый колорит...»

Ему удалось откатиться к стене. Теперь эти двое мешали друг другу, удары пошли пореже и не такие сильные. Парни уже перестали шипеть при каждом ударе, как коты, и только посапывали: видно, выдохлись. «Хватит уже, – злобно подумал Пескавин. – Мне все ясно, понял. Добродушное отеческое внушение. Слушайся старших, не огорчай папу и маму».

Бить перестали. Он немного поворочался, покряхтел – «Талантливо изобразил в самом начале, что попали в пах, иначе бы не удовлетворились, добавили бы еще», – потом медленно поднялся на четвереньки. Дальше подниматься не стоило: внушение внушением, а в конце должен стоять жирный восклицательный знак. Ну, где он?

Пинок в шею бросил его лицом в пол. Теперь можно было встать, ребятки получили полное педагогическое удовлетворение. Педагог педагогу волк, подумал Пескавин, отклеивая лицо от пола. Каждый гад вокруг педагог, потому что учитель учит, а педагог внушает, а внушать все любят, это им только дай... Он помотал головой, разгоняя мусть перед глазами. Мусть раздвинулась, и из нее выплыли кроличьи глаза:

– Больше к мумиям не ходи. Понял?

Пескавин кивнул.

– Увидим еще раз – пеняй на себя. Дружеский тебе совет: улетай сегодня же. Помой морду и уматывай. Деньги есть?

Пескавин слотнул слюну, пошевелил во рту языком – зубы целы, «восклицательный знак» пропал даром. Подавил желание ухмыльнуться.

– Какие там деньги. Билет есть. На послезавтра.

– Обменяй. Чтобы завтра мы тебя здесь не видели. Хорошо понял?

– Угу, – Пескавин снова кивнул.

– Не слышу!

– Я хорошо понял. – Поспешная фраза, запнувшись на вылете, прозвучала жалко. На всякий случай Пескавин громко хлопнул носом. Кажется, получилось убедительно. Провинция... Там, где его знали, приходилось играть со всей отдачей – здесь клевали и на халтуру в четверть силы.

Педагогов черти уже унесли куда-то. Красноглазый, сворачивая в фойе, подмигнул с добрым юмором и, куражась, соорудил из пальцев бодливую козу. Пронесло. Морщась от боли, Пескавин кое-как отряхнулся, ощупал лицо – ничего, крови вроде бы нет. Хотя сейчас иди через толпу к кассе менять билет – рыло как рыло, никто и не обернется. Он тихонько выругался. Черт, угораздило же, чтобы и без денег, и облажаться, как последний ватрух! Ломтиками себя называют, пальчики ломают у мумий, а может, и не только у мумий, по всему видно,

что не только. Местный прайд, ребята серьезные, цепкие, и работают, видно, чисто, чужаков неопрятных к пальчикам близко не подпустят. А без пальчиков – долгов по самые ноздри, опять набегаясь с высунутым языком и половую тряпку не раз из себя изобразишь к всеобщему удовольствию. Рифмач того и ждет.

Он уже знал местную цену пальчикам. Указательный и большой идут по триста, реализацией ведаёт мелкая фарца. Дешевка, но денег хватит разве на один, а для того, чтобы оправдать полет на эту самую Твердь (с экскурсиями и проживанием в туристском приюте, оказавшемся вдруг дорогим отелем), их нужно четыре, это минимум. Да еще горное снаряжение. «Сволочи эти ломтики, – подумал он не в первый раз. – Из-за четырех-то пальчиков!»

Где он свалил дурака, он и сам не понимал, и это было самое противное. А было так. Вчера, проплутав весь день в горах – нарочно вышел с утра и отправился в другую сторону, – он к вечеру одолел перевал в Ущелье Каменных Мумий. Все было тихо. Экскурсанты уже убрались, да и вообще в этот конец Ущелья мало кто заглядывал. Солнце уже упало за горы, снег сделался серым, а выходы скальной породы чернели, как зевы пещер. Быстро темнело, и времени было в обрез. Ему повезло сразу же. То ли здесь недавно расчищали, то ли снег подтаял и осел, но первая же мумия повергла его в шок. Позавчера ее здесь не было. Он напряг память. Точно не было. Такие долго не стоят. Их либо перетаскивают в начало экспозиции, где и охрана и все такое, либо охрану опережают ломтики и тащат мумию через дальний перевал, а как и куда потом вывозят – о том лучше спросить их самих, да что-то никто не спрашивает. На том перевале, по слухам, снег не успевает заносить россыпи стреляных гильз и среди куч брошенного барахла все еще отчетливо виден остов боевой платформы, не то потерпевшей аварию, не то сбитой ракетой «земля-воздух». И второе скорее, чем первое.

Собственно, мумий было две. Женщина с ребенком на руках, оба каменные, и одежда на них, та, что еще сохранилась, тоже каменная, ломкая, как старый целлулоид. Ишь ты, повернута спиной к выходу из Ущелья, согнулась над ребеночком-то, загораживает, стало быть. Как же, загородишь от того, что тут было! Очень даже! Пескавин негромко рассмеялся. Такая удача ему и не снилась. Мать, защищающая дитя! Да за такой классический сюжет любой ненормальный коллекционер, а они все ненормальные, отвалит кусков пятьдесят и не вякнет! Это вам не пальчики отломанные, это вещь!

За надсадным визгом резака (нечего было и думать тащить через перевал ее всю, взять хотя бы верхнюю половину с ребенком – и то килограммов пятьдесят) он не сразу услышал гул вертолета. А когда услышал, сделал все как надо: разбрасывая снаряжение, кинулся вверх по склону, обходя нависший снежный карниз, успел влезть и спустил лавину как раз тогда, когда из-за поворота Ущелья показались бортовые огни. Уже совсем стемнело. Укрывшись за гребнем, Пескавин наблюдал, как вертолет порывался туда-сюда, высматривая, потом завис, осветил прожектором сошедшую лавину с выдавленным на поверхность рюкзаком, не тронутую лавиной мумию, валявшийся рядом брошенный резак. Садиться не стал, повисел немного, развернулся и унес свои огни и гул винтов туда, откуда прилетел. Мордам из охраны все было ясно. Спугнули шустрого ломтика, ломтик кинулся бежать и угодил под лавину. Туда ему и дорога. Пескавин тихо выматерился. Мумия уходила из-под носа, нечего было и думать к ней возвращаться. С вертолета-то ее тоже разглядели, запросто могут вернуться со специалистами и оборудованием, выворотят по всей науке из снега, выковырнут и перетащат в зону обозрения. Было обидно. Он вернулся в отель, не догадываясь о том, что завтра утром будет настойчиво приглашен в пустой коридор. Утренний мочион вышел боком.

У себя в номере Пескавин первым делом обозрел себя в зеркало. Так и есть, всего лишь маленькая ссадина в верхней части лба, почти не заметно, но лучше будет зачесать волосы на другую сторону. Вот так. Совсем другое лицо. Хм, а зачем оно нужно, другое лицо? Рискнуть? Можно и рискнуть, я для них теперь козявка раздавленная, медуза на берегу, им, гадам, предположить такую наглость и на ум не придет... Стой, дурак, сказал он себе. Тебя же пожалели,

они же сами имели глаз на ту мумию, а ты и нагадил под носом, школьник. Счастлив должен быть, что жив, светиться должен радостью, петь и плясать должен, если порядочный человек, а не сукин сын! Он порылся во внутреннем кармане куртки, полный скверных предчувствий, вынул и развернул бумажку. Мало, ох, мало. Единственный пальчик, добытый на давешней экскурсии, да и тот мизинец. Теперь он был сломан, раскрошился на части от удара ботинком. Та-ак. Пескавин несколько раз сжал и разжал кулаки, потом облизнул пересохшие губы. Съел, дружок, вкусно? Это тебе Твердь, не что-нибудь, а где и когда на Тверди наносили одиночные удары? Здесь не просто бьют, здесь добивают. Сам же и виноват, нельзя было все надежды на будущее связывать с этой поездкой. Кто там сказал: светиться радостью? Рифмач, если будет в настроении, сощурится, зевнет в лицо всей пастью и под гыгыканье подпевал выдаст что-нибудь вроде: «Как здоровьице, сынок, много бабок приволок?» – и станет ясно, что теперь самое время начинать каяться, ползать на брюхе и плести слезливую ахиною. Занятие вполне бессмысленное, но – ритуал, поучительный для многих. Никого не интересуют басни – попытка выползти из-под Рифмача обнаружена и прощена не будет. Тут хорошо, если какой-нибудь умник из молодых и неотесанных сунется подсказать Рифмачу рифму, а Рифмач этого не терпит и непременно возьмется сам насовать умнику в личность, а там, глядишь, и отложит на время науку шустрому выползку. Но не забудет – это точно.

В кассе он обменял билет на корабль до Хляби («Есть только на грузовой рейс, будете брать?» – «Еще как буду»), сгреб сдачу и огляделся. Глаза за ним вроде бы не было. Через фойе стадом шла большая группа экскурсантов. Последний шанс, прежде чем исчезнуть, решил подразнить. Сейчас эта группа прошаркает ногами по скользкому мрамору, пройдет мимо касс, мимо автоматов с сувенирами, мимо двух скучающих сотрудников внутренней охраны и погрузится в туристский автобус, галдя и предчувствуя впечатления. И тогда шанса уже не будет, а будет нудное ожидание рейса, попытки склеить поломанный пальчик и долгий путь в тесной грузовой банке, где, говорят, даже коек на всех не хватает, так и спят по очереди, как в подводной лодке. Пескавин оторвал лопатки от стены и, непроизвольно оглядываясь, направился к выходу. Кажется, все было чисто. Никто не двинулся, и даже знакомый фарцмейстер Детка, мелкий жучок из самых лопауких, который и сегодня, как всегда, торчал в дверях, выискивая клиентуру, не повернул головы в его сторону. «Обратно только перевалом, – решил он, ввинчиваясь в толпу и уже подмаргивая какой-то яркой девице. – В крайнем случае с другим автобусом, впритык к рейсу. И в гостиницу не соваться». Ему вдруг стало весело: он сообразил, что забыл в номере почти весь остаток денег.

* * *

Туристский автобус-многоножка припал на один бок, в разинутую дверь лезли экскурсанты. Пескавин забился на заднее сиденье. Группа была как группа, ничего особенного, так, старички-путешественники, не считая двух юнцов с мамашами. Последним пришел гид, крепкий малый с запущенной бородой, похожий на инструктора по альпинизму. Пескавин мысленно пририсовал ему моток веревки через плечо, молоток и набор крючьев у пояса. Тигр снегов! Слава богу, не тот, что был три дня назад, тот мог бы и вспомнить. Хотя нет, едва ли.

Многоножка медленно тронулась, и Пескавин рискнул отодвинуть занавеску на окне. Страх вдруг пропал сам собой. Видели его или не видели, теперь уже все равно. Неважно, что они подумают, когда спохватятся, а на космодроме будут ждать непременно, уйти не дадут и на этот раз не ограничатся отеческим внушением. Ну и ладно, и нечего об этом думать.

– Эй! – раздалось сбоку, и его пихнули локтем. – Не туда смотришь. Привет!

– Привет. – Он вздрогнул и обернулся, прежде чем успел сообразить, что, может быть, лучше не оборачиваться и не отвечать. Рядом с ним сидела незнакомая девчонка. Она была одета в оранжевую спортивную куртку с рыжими разводами. «Кто такая?» – подумал он с

удивлением и вспомнил, что именно ей имел неосторожность подмигнуть. На душе немного отлегло.

– До тебя, я вижу, не достучишься, – сердито сказала девушка. – Мировая тоска, а? Так как же нам все-таки познакомиться, не подскажешь?

Непонятно было, что у нее ярче – куртка или рыжие волосы, еще сохранившие следы укладки в прическу, известную в широких кругах под названием «не сомневайся». Пескавин откровенно поерзал глазами по ее фигуре, сначала сверху вниз, потом снизу вверх и еще раз так же. С девчонкой все было ясно, кроме одного: как таким удастся просачиваться через въездной контроль нравственности? Впрочем, они придумают...

– Меня зовут Теко, – сказал Пескавин. – Это прозвище.

– А меня Анна. Это имя.

– Похоже на то. Как тебе с ними? – Он кивнул на экскурсантов.

– Отвратительно. Маменькины сыночки – этим мамы не дают ко мне липнуть, спасибо им за это, а остальные – старые козлы. Воображают, что им здесь безумно интересно. Под старость все играют в одну игру: езда по всей обитаемой Вселенной, сбор сувениров и того, что они громко называют впечатлениями. Тьфу.

Пескавин от души рассмеялся и заметил, что смех получился немного нервный. Нет, что за бред, подумал он. Чего ради ломтикам подсаживать ко мне эту птаху?

– А не круто ты их?

– Не круто, – отрезала Анна. – Ты их только послушай.

Слушать было особенно нечего. На гида сыпались вопросы из тех, что гидам приходится выслушивать раз по двести за смену, и ничего – выслушивают и отвечают.

– Ты права, – он погладил ее по руке.

– Убери лапы, – нервно сказала Анна.

– Это почему? – Пескавин усмехнулся и потянул ее к себе. – Я, кажется, не старый пенёк и не маменькин сынок. Тебя не радует такое совпадение?

Тут что-то было не так. Она сопротивлялась, что само по себе еще не было удивительно – встречается и такое, – но сопротивлялась бесшумно, стараясь не привлечь постороннего внимания. Пескавин быстро провел рукой по карманам ее куртки. Анна тихонько охнула.

– Так я и знал, – он откинулся на спинку кресла. – Дай-ка мне сюда свое железо.

– Возьми.

Он покопался в ее кармане дольше, чем нужно, чувствуя пальцами теплоту и упругость молодого тела. Затем извлек наружу маленький никелированный молоточек. Игрушка.

– Между прочим, – сказал он назидательно, – ты утверждаешь дурной тон. Пальчики мумиям ломают руками. Вот так.

– Отпусти, больно.

Пескавин выпустил ее руку и, нагнувшись, сунул молоточек под сиденье, в пыль и мусор.

– И вправду больно? – поинтересовался он. – А ты не боишься, что я настучу кому следует?

– А ты?

Умница, подумал Пескавин. Знать бы мне еще, как с этой умницей общаться, не у себя в номере – там-то ясно, – а здесь, сейчас? Девочка что надо, по статьям, пожалуй, для Рифмача, только на этот раз Рифмач перебьется. Надо будет иметь ее в виду после, когда вернемся... Он вдруг вспомнил, как ему предстоит возвращаться, и помрачнел.

– Я сразу усекала, что ты «заяц», – сказала Анна. – В нашей группе я уже всех знаю. Радуйся, что я не завопила, когда ты меня лапал. Кстати, почему тебя зовут Теко?

– Текодонт. Маленький прыткий ящер. Сигарету хочешь?

– Здесь нельзя курить.

– Правильно. И кроме того, у меня нет сигарет.

Она улыбнулась. Нет, с ней сидеть – как голому в витрине. И так уже старые пни все шеи себе отвертели: с кем это шушукается предмет их старческих вожделений? Когда автобус тронется обратно, могут заметить, что не хватает одного человека, хотя по числу баранов все сойдется. Ничего, подумал он. Поломают головы и плюнут.

Он зачем-то кивнул и стал смотреть в окно. Дорога круто поднималась вдоль левого склона ущелья, а правый склон был рядом и так же крут и заснежен, как левый. По дну ущелья бежала переплюнная речка. Многоножка, как это бывает с автономными биомеханизмами, избрала себе путь по самой кромке обрыва – пассажиры, сидящие справа, хватались за сердце. Пескавин смотрел вниз. Он плохо помнил дорогу: на прошлой, «штатной» экскурсии было не до того, нервничал, будто предчувствовал неудачу, а еще раньше, задолго до заповедника, когда дорога еще не портила ландшафт, хотя очень бы пригодилась, когда шли по тропе, протоптанной теми, кто шел впереди, и никому не приходило в голову думать о ландшафте... Стоп, назад! Пескавин закусил губу. Об этом лучше забыть, если решил вернуться живым и с удачей. Из памяти выплывет больше, чем хотелось бы, и тогда ничего не получится. Перед работой лучше думать о девках. Можно и о Рифмаче, чтобы быть злее. Или о ломтиках, чтобы быть осторожнее. И ведь не так трудно затереть часть памяти, маленький такой кусочек, и не дорого вовсе: сотню за процедуру, мнемооператору в лапу, чтобы не болтал, – всегда можно наскрести, даже сейчас. Черта с два я на это соглашусь, подумал он с раздражением и вдруг почувствовал на себе взгляд Анны.

Он обернулся. Девчонка напряженно сидела, не касаясь спинки кресла, и, кажется, чуть не кусала губы. Ого! Впереди хрюкнул от удовольствия какой-то дед: вислоносый юнец с переднего сиденья, квалифицированно отведя глаза мамаше, до пояса высунулся в проход, делая понятные знаки, – не преуспел и разочарованно убрался назад. Пескавин задавил усмешку. Ай да рыжая! Как смотрит, как держит паузу! Вот оно что: случайная одиночка-импровизатор, вольная охотница на ловле простаков. Девочка свое дело знает, сейчас и начнется. Атака на инстинкты. Он почувствовал ее горячие пальцы на своей ладони.

– Теко, – прошептала она. – Красивое имя. Те-ко. Текодонт – это плохо, что-то громоздкое. Теко – лучше. Можно тебе вопрос, Теко? – Он кивнул. – Скажи, ты бывал раньше на Тверди?

Интересное начало. Нет, вероятно, просто подстраховка. Но вопрос не последний, можно не сомневаться.

– Да, давно. Успокойся, не наследил. Здесь за мной все чисто.

Горячие пальцы ласкали его ладонь. Кто-то спереди опять оглянулся на них, и Пескавин почувствовал, что вид у него, должно быть, глупейший. Бревно, дерево деревянное. Нет, деды не одобряют. Девушка ждет – вся внимание, – а он, видите ли, никак не соизволит, знает, видите ли, чем это обычно кончается. Знает? Знает. И считает, что лучше быть бревном, чем трупом.

– Ты еще не сказал, что мы будем делать сегодня вечером, – напомнила Анна.

– Разбежимся, – сказал Пескавин. – И чем быстрее будем бежать, тем лучше. В разные стороны.

– Я думала, у тебя есть другие идеи, – сказала Анна. – Или я тебя совсем не интересую как женщина?

Фу, как прямолинейно, подумал Пескавин. Халтурно, в лоб! – тройка с минусом. Хотя, если подумать, ни на что другое уже нет времени, девчонка форсирует. Но какая игра, какой трепетный призыв! Какое высокое искусство в будто бы небрежных словах. Песня сирены потвердиански. Взгляд ласкового удава.

– Как кто? – внутри шевельнулось что-то полузабытое, и тут же проснулся сарказм. – Как женщина? Повтори, я что-то не понял.

– Вот даже как... – Анна встряхнула копной рыжих волос. – Ну хорошо, – медленно сказала она. – Тогда скажи: как девка я тебя привлекаю?

Пескавин честно кивнул и почувствовал, что она придвинулась к нему вплотную. По телу прошли сладкие токи и погасли. Он знал, что она сейчас скажет. Девчонку было пора ставить на место.

– Теко, – как-то по-особому сказала Анна и трогательно замялась. – Я... то есть... ты ведь мне поможешь, верно?

– Нет, – быстро сказал Пескавин.

Взмах огромных ресниц, огненная волна поверх головы.

– Ты хочешь сказать, что... Нет, ты погоди...

– Я хочу сказать: нет. Не помогу.

Она убрала руку и отодвинулась. Салон качнуло: многоножка по-крабьи переваливалась через валун, свалившийся сверху три дня назад, хотя, если верить тому, что писано о заповеднике, никак не имевший права этого делать, чуть не угробивший одного ротозея, отставшего от последней группы и потому пробиравшегося пешком, и до сих пор не убранный. Нехороший попался валун, недисциплинированный... А ротозеем был он, Пескавин, а единственной добычей дня – мизинчик, который теперь невозможно всучить даже Детке. Нет, девочке многого хочется, здесь она не найдет желающих подставить за нее шею, и эта прыть просто от незнания. Теперь не штрафуют, теперь любителям сувениров светит каторжный срок в целях перевоспитания, охране не возбраняется позабавиться с пойманным мародером, сколько хватит фантазии, и охрану недавно усилили – в который уже раз. Так-то, девочка. А цену одного пальчика где-нибудь на Хляби или, скажем, на Земле, ты знаешь? Полагаешь, озолотят? Да у нас Рифмач больше даст тому, кто на его глазах под комментарий каким-нибудь анапестом сожрет собственное дерьмо, и находятся охотники...

«...Жемчужиной заповедника по праву считается открытое менее десяти лет назад Ущелье Каменных Мумий, уникальное образование, воочию представляющее потрясенному взору окно в мир безжалостного прошлого. Дорога, ведущая в Ущелье, окруженная первозданной дикой красотой гор, как бы готовит туристов к тому, что им предстоит увидеть...» – бубнил гид заученное из путеводителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.